

Глава 4. Знак Хэйяня

Скорчив плачевную мину, Ян Бинхуай осознал, что торговаться ему нечем, и покорно приготовился слушать.

— Господин Ян, вы ведь ученик Цянь Чэньцзюня? — спросил Цзан Е.

Тяжело вздохнув, тот наконец выдал:

— Так и есть.

— Вы не хотели признаваться, потому что боялись, что мы станем расспрашивать об обители вашего наставника, верно? — Янь Хуайлин лихо орудовал складным веером, словно это было важнейшим делом на свете.

Ян Бинхуай изумился тому, как точно гость попал в цель, но быстро вернул себе обречённый вид.

— Истинно так. Впрочем, вы, господа герои, далеко не первые, кто доставил мне хлопот.

— Вот как? — Хуайлин явно оживился. — И кто же ещё тобой интересовался?

— Это чистая правда.

— Тебе известны их личности?

Ян Бинхуай замялся:

— Ровно так же, как мне неведомы имена присутствующих здесь почтенных господ, те люди тоже не спешили раскрывать свои карты.

Хуайлин обменялся взглядом с Цзан Е, после чего вновь вперил взор в бедолагу.

— На словах они допытывались, где скрыта моя школа, но на деле... — Ян Бинхуай обливался потом. — На деле, вы ведь тоже явились за книгой медицинских таинств Хуа?

— А ты не так глуп, — усмехнулся Янь Хуайлин.

— Книга Хуа — воистину редчайший трактат по врачеванию, — глухо проговорил Ян Бинхуай.
— Но кто-то в мире боевых искусств пустил слух, будто в ней сокрыт секрет бессмертия. Это и

стало началом всех бед.

— По-твоему, в книге нет рецепта вечной жизни?

— Именно так.

— Это твой наставник тебе сказал? — Хуайлин сложил веер и поднялся, подойдя к Ян Бинхуаю вплотную. Несчастный вжался в спинку кресла от ужаса.

— Э-э... д-да...

— Цянь Чэньцзюнь — старая лиса. Чтобы прекратить резню за книгу, он мог и напелсти тебе небылиц. Не думал об этом?

— Поначалу я и сам не верил. Одержимый поисками тайников учителя, я растерял всякое милосердие, подобающее целителю... За то меня и изгнали из школы.

— Вот оно что, — Янь Хуайлин обворожительно улыбнулся. — Впрочем, твои зловещие предсказания нас мало заботят. Если господин Ян соизволит поведать нам, где жил Цянь Чэньцзюнь перед смертью, мы отпустим тебя с миром.

— Меня выставили за порог много лет назад. Учитель каждые несколько месяцев менял пристанище. Я даже не знаю, где он упокоился, что уж говорить о месте нахождения школы?

Видя, что тот говорит искренне, Цзан Е хранил молчание. Хуайлин же, покрутив веер в руках, неожиданно произнёс:

— Раз так, мы не станем больше тебя неволить.

При этих словах Цзан Е бросил на напарника косой взгляд, но тот и бровью не повел.

— Ох, благодарю, господа герои! Благодарю, что пощадили мою никчёмную жизнь!

Хуайлин не медлил и тут же ловким движением разблокировал акупунктурные точки пленника. Ян Бинхуай отвесил несколько земных поклонов и, спотыкаясь, бросился прочь из комнаты.

Проводив его взглядом, Цзан Е заметил:

— Сдаётся мне, он не договорил правды.

— Пустое, — Хуайлин беспечно улыбнулся. — У меня есть свой способ.

Цзан Е с сомнением отнёсся к этому заявлению, но, видя непоколебимую уверенность Хуайлина, расспрашивать не стал. Даже если прижать этого пройдоху к стене, он всё равно вывернется и наплетёт с три короба. К тому же, хоть они и знакомы недолго, Хуайлин производил впечатление человека, который любит ходить по лезвию ножа. Если у него в городе свои глаза и уши, и это поможет делу — пусть действует.

Они вернулись в постоянный двор. Поход в Илун-юань выжал из Цзан Е все силы. Хуайлин прекрасно понимал, что это была не физическая усталость — одна мысль о том, что суровый Золотой гвардеец впервые оказался в подобном вертепе, вызывала у него едва сдерживаемый смех.

Поднявшись наверх, Хуайлин тенью следовал за Цзан Е. Когда тот вошёл в свою комнату и обернулся, чтобы закрыть дверь, то наткнулся на застывшего на пороге Хуайлина с сияющей улыбкой на лице.

Встретившись взглядом с этим шельмой, Цзан Е нахмурился:

— Что вам угодно, молодой господин?

— Господин гвардеец, вы сегодня изрядно потрудились, — Янь Хуайлин расплылся в улыбке, демонстрируя ровный ряд белоснежных зубов.

Цзан Е вздохнул, глядя на эту сияющую физиономию. Признаться честно, если бы не приказ, он бы в жизни не переступил порог Илун-юаня во второй раз. Особенно в компании этого наглеца, который только подливал масла в огонь его раздражения. Однако безупречное воспитание не позволило ему сорваться.

— Если у вас и впрямь есть «свой способ», завтра придётся приложить усилия, — сухо ответил Цзан Е. Он запомнил бахвальство Хуайлина и теперь ждал результатов.

Хуайлин кивнул, и его улыбка стала чуть мягче. Видя, что тот не уходит, Цзан Е недоумённо поднял бровь:

— Что-то ещё?

— Это вам, господин гвардеец.

С этими словами Хуайлин, точно фокусник, выхватил из-за спины палочку засахаренного боярышника. Цзан Е оторопел — он даже не заметил, когда напарник успел её купить.

— Днём вам пришлось несладко, — хихикнул Хуайлин. — Пусть это станет моим скромным извинением. Идёт?

Извинением?

Лицо Цзан Е потемнело. Уж не за то ли он извиняется, что его окружила толпа липких девиц? Но не успел он обдумать эту мысль, как Хуайлин, почесав затылок, пробормотал:

— Э-э... могу я за это угощение выкупить у вас полчаса личного времени?

Цзан Е лишился дара речи. Впервые в жизни коллега пытался торговаться с ним при помощи сладостей на палочке.

— Ну так что? — Хуайлин уставился на него таким преданным взглядом, что Цзан Е стало не по себе. — Днём мы ведь всё равно разделялись, разве нет? Разве я не доказал, что мне можно доверять? Если я не вернусь через полчаса, можете прийти за моей головой. В конце концов, с такой форой я от вас всё равно не уйду.

В этом была своя логика. Цзан Е молча взвесил предложение. К тому же перспектива снова тащиться куда-то среди ночи с этим парнем не сулила ничего, кроме головной боли. В итоге он согласился и, проводив радостного Хуайлина взглядом, лишь покачал головой.

Закрывая дверь и глядя на засахаренный боярышник в руке, он не знал, смеяться ему или злиться. Этот мальчишка определённо не признавал никаких правил.

Как только дверь за спиной закрылась, улыбка мгновенно исчезла с лица Янь Хуайлина. Конечно, он не собирался сбегать. Даже со своей техникой «Цзиншуй Мицюань» он вряд ли смог бы окончательно оторваться от Цзан Е, да и такое исчезновение было бы слишком подозрительным: едва Чёрный гусь объявляется в городе, как Хуайлин пропадает. Слишком явное совпадение.

Он знал, что Ян Бинхуай скрывает нечто важное. Поэтому нынешней ночью он вновь станет Хэйянем и навестит его в поместье Ван Цзяня. Хуайлин был уверен: после пережитого позора гордец Ян не посмеет показаться на глаза Гуань Цзи в Илун-юане. По крайней мере, не сегодня.

Костюм для ночных вылазок был вшит в подкладку каждого его платья — предосторожность, позволявшая сменить личину в любое мгновение. Своё прозвище он получил за то, что к техникам школы Тайянь добавил четыре собственных стиля, и в одном из них — «Лоянь Минцзян» — концентрированная ци принимала форму огромного чёрного гуся, расправляющего крылья.

Хуайлин сорвал ленту, позволяя волосам рассыпаться по плечам, повязал тёмное оголовье с нефритом и маску с узором. Отбросив привычную легкомысленность, он бесшумной тенью скользнул по крышам. Горожане внизу, поглощённые суетой ночного рынка, даже не заметили промелькнувшего над головами призрака.

Поместье Ван Цзяня по планировке напоминало усадьбу Цзян. Хуайлин быстро отыскал комнату Ян Бинхуая. Когда он бесшумно проскользнул в окно, тот крепко спал. Проснулся он лишь тогда, когда железные пальцы сомкнулись на его горле.

Увидев человека в маске, Ян Бинхуай едва не лишился чувств от ужаса. Он попытался вырваться, но Хуайлин одним ударом сбил его на пол.

— Где жил Цянь Чэньцзюнь перед смертью? — голос Хуайлина звучал непривычно низко. Даже близкий человек не узнал бы его.

— Я... я не знаю... А-А-А-А!!!

Раздался истошный крик — Хуайлин хладнокровно вывернул ему левое плечо. Он не собирался убивать этого никчёмьша, но понимал: без боли правды не добиться. Наклонившись к самому лицу стонущего Яна, он безэмоционально повторил:

— Где жил Цянь Чэньцзюнь перед смертью?

— Пощадите, господин... я правда... У-У-А-А-А-А!

Хуайлин так же легко вывернул и правое плечо.

— Раны пустяковые, — лениво проговорил Хэйянь, придавливая плечи жертвы коленями, — но боль, должно быть, невыносимая. Где жил твой учитель? Можешь молчать, я никуда не тороплюсь. Буду играть с тобой хоть до рассвета. Страдать всё равно тебе.

— Молю... господин... — Ян Бинхуай рыдал, сопли и слёзы мешались на его лице. —
Пощадите...

— Скажешь или нет? — Хуайлин вскинул бровь.

Ян Бинхуай, содрогаясь от боли, выдавил:

— Скажу... всё скажу...

«Никакой стойкости», — подумал Хуайлин с оттенком разочарования. Он-то приготовился к

долгой осаде, а враг сдался при первом штурме.

— Где?

— Перед тем как меня выгнали... учитель жил в Нинчжоу... — Ян Бинхуай был близок к обмороку, но Хуайлин грубо схватил его за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— И всё?

— П-потом... — Ян Бинхуай хрипел, закатывая глаза. — Потом... Юэци-шань... в Мяочжоу...

Голос затих, и бедолага окончательно провалился в беспамятство. Хуайлин усмехнулся и покачал головой. Он тщательно проверил пульс — Ян и впрямь был в глубоком обмороке. Похлопав бесчувственное тело по щеке, Хуайлин пробормотал:

— Сказал бы сразу, и мучиться бы не пришлось.

Перед уходом он вздохнул и, поддавшись минутному порыву жалости, вправил обе руки несчастному на место. Затем, щелкнув его по лбу, добавил:

— Если ты соврал, я вернусь и закончу начатое.

Он выпрыгнул в окно и взлетел на крышу. Нинчжоу и Мяочжоу...

Ноги сами несли его в сторону постоянного двора, пока он обдумывал новые зацепки. Но стоило ему приземлиться на карниз над главными воротами поместья, как он замер. Внизу, у самого входа, стоял знакомый силуэт.

Цзан Е!

Золотой гвардеец явно намеревался нанести официальный визит Лунному лингуаню. Сердце Хуайлина пропустило удар. От неожиданности он неловко сместил стопу, и под сапогом хрустнула черепица.

Для мастера уровня Цзан Е этого было достаточно. Он мгновенно вскинул голову и, заметив тень на крыше, белой молнией рванулся вверх.

Эта гонка не чета их ночной прогулке. Хуайлин больше не скрывал мастерства. Он летел, точно гонимый бурей, касаясь крыш лишь кончиками пальцев, стремясь прочь из города, к лесистым холмам. Цзан Е преследовал его, точно спущенная с тетивы стрела, метя прямо в спину.

Ворвавшись под сень леса и чувствуя, что погоня дышит в затылок, Хуайлин применил «Цзиншуй Мицюань», превращаясь в призрачное марево. Цзан Е на миг замер, чутко ловя колыхание воздуха и шелест листвы. Он редко упускал добычу — и на этот раз почти сразу вновь ощутил след.

Хуайлину удалось немного оторваться, но охотник вновь настигал его. «Дьявольски хорош, Золотой гвардеец!»

Взлетев на верхушку бамбука, Хуайлин выхватил из-за пояса плетё «Мертвой змеи». Вращая её над головой, он породил мощный вихрь, подобный речному дракону. Острые лезвия ветра, точно нефритовые шипы, полетели в сторону преследователя. Цзан Е, не сбавляя темпа, выхватил короткий меч с резным драконом и серией точных ударов развеял воздушные клинки.

Пользуясь заминкой, Хуайлин взмыл к самым верхушкам бамбука. Каждое касание наполняло листья истинной ци, порождая волны по всему лесу. Поднялся ветер, взметнулась пыль, застилая взор. Хуайлин сотворил завесу дождя, маскируя свой путь.

Пока противник прорывался сквозь иллюзию, Хуайлин снова применил технику скрытности. Но Цзан Е прищурился. Короткие мечи-близнецы покинули ножны. Одним мощным движением он сконцентрировал ци, породив яростный смерч. Водяная стена рухнула, поглощённая воронкой.

Когда туман рассеялся и лунный свет вновь залил лес, беглеца нигде не было видно. Цзан Е взлетел над бамбуковой рощей, скрестив мечи. Два сияющих дракона ци пронзили облака и с рёвом ринулись вперёд, прочёсывая лес. Бамбук стонал под натиском бури, камни дробились в пыль. В этом хаосе Цзан Е наконец заметил мелькнувшую тень.

Больше он не медлил. Настигнув беглеца в несколько прыжков, он почувствовал, как тот резко развернулся. Хуайлин ударил обеими ладонями, вкладывая все силы в «Лоянь Минцзян»!

Навстречу гвардейцу из потоков ветра вырвался исполинский чёрный гусь. Стальные перья-лезвия веером разлетелись во все стороны. Цзан Е скрестил мечи, принимая удар на себя. Мощная волна едва не сбила его с ног, полы плаща неистово захлопали на ветру.

Когда отзвук техники затих, Цзан Е снова рванулся в атаку. Расстояние сократилось до нескольких чжанов. Теперь он не сомневался: перед ним легендарный вор Хэйянь, давно исчезнувший с просторов Тайянь. Какими судьбами он оказался в Инчжоу?

Вор был дьявольски ловок. Он не вступал в прямой бой, изматывая преследователя и используя каждый куст для маневра. Цзан Е понял: скорость — единственное оружие Хэйяня. Если дать ему уйти сейчас, больше его не поймать.

Спустившись на землю, Цзан Е убрал короткие мечи. Он выхватил из-за спины длинный меч

«Фэнью Цзютянь». Припав к земле и концентрируя мощь, он нанёс сокрушительный горизонтальный удар. Лес впереди точно скосило невидимой косой. Ударная волна крушила скалы, вздымала воду в озере и вырывала деревья с корнем.

Беглец, захваченный этим неистовым потоком, не удержался и, прокувыркнувшись по земле, рухнул у подножия холма. Цзан Е мгновенно оказался рядом. Вор попытался подняться, но гвардеец придавил его к земле, приставив клинок к горлу.

— Ты — Хэйянь? — голос Цзан Е был холодным, как лёд.

Ответа не последовало. Человек в маске лишь тяжело дышал, восстанавливая силы. Не дождавшись реакции, Цзан Е сорвал с него маску, но в то же мгновение мир померк.

Раздался резкий звук, и в лицо гвардейцу полетело облако едкого порошка. Цзан Е отпрянул, и в этот миг пленник выскользнул из-под его руки. Глаза нещадно жгло, но внезапно Цзан Е почувствовал что-то влажное на своём лбу. Это было теплое прикосновение губ и чьё-то горячее дыхание!

Прежде чем он успел осознать весь масштаб наглости этого жеста, в ночном воздухе раздался весёлый мужской голос:

— Цзан Е, до встречи!

Разъярённый, гвардеец нанёс удар в сторону голоса, но без возможности видеть он лишь рассёк воздух. Когда зрение начало возвращаться, он стоял один посреди разоренного леса, сжимая в руке маску вора.

Этот человек знал его имя... Но кто он?

Ночной ветер охлаждал кожу. Цзан Е давно не приходилось обнажать меч Феникса. В честном бою этот вор не продержался бы и минуты, но он был слишком умён, чтобы вступать в такую схватку.

Вспомнив о прикосновении к лбу, Цзан Е стиснул зубы и вытер кожу рукой. Такое бесстыдство... Он позволил какому-то воришке одурачить себя. Это было унижительно. Если они встретятся вновь, пощады не будет.

Янь Хуайлин вихрем влетел в свою комнату и быстро переоделся. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Восторг и азарт мешали дышать. Уйти от самого Цзан Е! Какая удача!

Вспомнив мощь его меча, Хуайлин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Опоздай он на мгновение — и его душа уже летела бы к предкам. Но стоило ему вспомнить прощальный поцелуй, как на губах заиграла плутовская улыбка. Наверняка этот сухарь сейчас места себе не находит от ярости. Тот вряд ли когда-нибудь признается, что его «осквернил» какой-то разбойник.

Хуайлин прилёг на кровать, давясь от смеха. Вскоре послышались шаги — Цзан Е вернулся. Хуайлин тут же выскочил в коридор, делая вид, что только что пришёл.

— Господин гвардеец! Ну как? Я сдержал слово и вернулся вовремя.

Цзан Е даже не посмотрел в его сторону. Лишь молча кивнул и вошёл к себе. Хуайлин так и сиял. «Наверняка сокрушается, что упустил величайшего вора в мире», — подумал он с удовольствием.

Не в силах отказать себе в удовольствии поддеть напарника, он постучал в дверь:

— Господин гвардеец, удалось ли вам что-нибудь разузнать этой ночью?

— Нет, — донеслось из-за двери.

— А вот у меня есть кое-какие новости. Не желаете ли послушать?

Спустя мгновение Цзан Е открыл дверь и впустил его. Хуайлин вкратце пересказал то, что узнал о Нинчжоу и Мяочжоу, соврав, будто сведения ему выдал подручный из другой аптеки.

— Нинчжоу и Мяочжоу?

Мяочжоу лежал к северу от Ваньлина — край диких гор и коварных лесов, знаменитый своим лабиринтом «Мертвых чащ». Чужак мог плутать там неделями, прежде чем выберется к Срединным землям.

Нинчжоу же находился на западе и был родиной Е Чанлина, великого мастера школы Лин. Эта школа славилась своей чистотой и широтой души. Сам Е Чанлин был человеком возвышенным и далеким от мирской суеты. Его путь не был обычным боевым искусством. Он черпал силу из ветра гор и дыхания небес, соединяя их с духовной энергией человека.

Это была «Техника» без формы. Её нельзя было выучить по книгам, ей нельзя было обучить. Только озарение и чистота сердца открывали к ней путь.

Школа Лин была прибежищем для людей ясных и искренних.

Школа Цзюэ же манила тех, кто жаждал власти и битв.

Два полюса, две стороны одной медали, они уравновешивали друг друга при дворе правителя, вечно враждую. Говорили, что на вершине воинского мастерства лишь помощь «Техник» позволяет достичь совершенства. Воинский путь правит телом, Техника же — душой.

Цзан Е когда-то знал Е Чанлина. Именно в Нинчжоу он искал утешения, когда его сердце было мертво. На краю пропасти горы Чжуцуй-шань, когда он уже готов был шагнуть в бездну, Е Чанлин спас его. Старец выходил его, вернув к жизни. Именно он с помощью духовных техник запечатал его былые раны, позволив обрести покой и отрешенность.

Хуайлин, конечно, об этом не знал. Видя, что Цзан Е погрузился в раздумья, он решил, что тот просто не знаком с этими местами.

— Нинчжоу совсем рядом. Если выйдем завтра, через три дня будем на месте.

— Трех дней не хватит, — уверенно возразил Цзан Е.

— Вы бывали в Нинчжоу? — удивился Хуайлин.

Цзан Е замялся, подбирая слова:

— Там живет... старый знакомый.

Хуайлин воодушевился:

— Вот и славно! Помощь вашего друга будет как нельзя кстати!

Цзан Е промолчал, явно о чем-то беспокоясь. Хуайлин не стал настаивать, но тут с улицы донесся шум. Крики становились всё громче, в коридорах постоянного двора захлопали двери.

В комнату ворвались двое стражников. Сверяясь с портретами в руках, они хищно уставились на Янь Хуайлина и Цзан Е.

— Это они! Хватайте их! — закричал один в сторону двери.

Цзан Е нахмурился, а стражники уже потянулись к его плечам. Одним легким движением пальца гвардеец отшвырнул руку нападавшего. Тот взвыл от боли.

— Ой-ой-ой, — Хуайлин веером ударил по руке второго стражника. — Позвольте узнать, в чём нас обвиняют?

— Малый лингуань желает вас видеть! А ну, пошли живо! — рявкнул стражник, не рискуя, впрочем, приближаться.

— Лунный лингуань Ван Цзянь? — уточнил Цзан Е.

— Он самый!

Цзан Е всё понял. Ян Бинхуай, уязвленный до глубины души, вернулся к своему господину и, приукрасив историю, велел схватить их. Сопrotивляться сейчас не имело смысла. Цзан Е был человеком чести и не боялся правосудия. К тому же их миссия была тайной, и Ян Бинхуай наверняка тоже не стал рассказывать лишнего о книге Хуа, выдумав какой-нибудь другой повод для ареста.

Хуайлин же лишь ухмыльнулся:

— Мы прибыли в Инчжоу полюбоваться красотами, а ваш малый лингуань встречает гостей так неласково. Как печально.

— Меньше слов! Пошли!

— Если сможете увести — ведите, — рассмеялся Хуайлин.

— Господин Янь, — прервал его Цзан Е. Он не хотел устраивать потасовку с рядовой стражей.

Хуайлин недовольно поморщился, но спорить не стал. Стражники, хоть и опасались этого фронта с веером, всё же окружили их, понукая к выходу.

Весь постоянный двор наблюдал, как двоих постояльцев — одного в черном, другого в белом — ведут под конвоем. Хуайлин шел с видом триумфатора, точно первый красавец на гулянье, а Цзан Е хранил мрачное молчание. Он не любил привлекать внимание. Обычно его миссии заканчивались тихо, без лишних свидетелей, а теперь его вели через весь город, как преступника.

В поместье Ван Цзяня их ждала знакомая картина: Ян Бинхуай, весь в повязках, жалко скорчился в кресле. Цзан Е удивился его состоянию, а Хуайлин лишь спрятал улыбку в складках веера.

На возвышении восседал сам Ван Цзянь. Он с презрением оглядел просто одетых гостей своими крысиными глазками.

— Так это вы напали на господина Яна? — надменно спросил он.

Цзан Е промолчал. Хуайлин же одарил Ян Бинхуа таким взглядом, что тот вжался в кресло.

— Почему вы не преклонили колени перед чиновником?!

Ни Цзан Е, ни Хуайлин не собирались падать ниц. Если бы они назвали свои настоящие имена, Ван Цзянь сам бы сполз с кресла, умоляя о прощении. Один представлял Цзян Вэньчжоу из Тайянь, другой — Хуа Чжундао из Ваньлин. Обидеть любого из них означало конец карьеры для мелкого лингуаня.

Цзан Е за всю жизнь кланялся лишь троим: правителю Ци Минцзюню, наставнику Е Чанлину и своему господину Хуа Чжундао. Больше никто не был достоин его поклона. Хуайлин же и вовсе плевал на приличия — Цзян Вэньчжоу всегда прощал ему любые вольности.

— Почему молчите?!

— Господин чиновник, прежде чем мы встанем на колени, не соизволите ли объяснить, в чём наша вина? — вкрадчиво спросил Хуайлин.

— Вы среди ночи пробрались в мой дом и искалечили господина Яна! Как вы это объясните?!

— Какая наглая ложь, — вздохнул Хуайлин. — С чего бы нам на него нападать?

Цзан Е молчал. Он уже понял, что Хэйянь, которого он преследовал, и был его напарником.

— Они... они хотели выпытать у меня секрет моих лекарств! — выкрикнул Ян Бинхуай, боясь упоминать книгу Хуа.

Хуайлин едва не расхохотался. Если бы он хотел убить его, Ян давно бы кормил червей.

— Господин чиновник... — начал было Цзан Е, но Хуайлин перебил его, боясь, что тот ляпнет лишнего:

— Признаю, мы виделись с господином Яном в Илун-юане. Там вышла небольшая размолвка... из-за одного прелестного юноши-актера. Все девицы из борделя могут это подтвердить.

Цзан Е в изумлении уставился на него.

— Но поскольку у господина Яна обнаружались весьма специфические вкусы... Мы слышали, он так очаровал красавца Гуань Цзи, что тот лишился покоя. Мы лишь хотели узнать рецепт того самого... чудесного средства для мужской силы...

— Кха... Кха-кха! — Ван Цзянь зашелся в кашле, его лицо пошло пятнами. Ян Бинхуай и вовсе побледнел как полотно.

— Клянусь, я и мой друг пальцем не тронули господина Яна, — продолжал Хуайлин с самым невинным видом. — Мы простые путешественники. Стали бы мы калечить человека из-за каких-то любовных снадобий?

Лицо Цзан Е стало свинцовым, но он лишь молча отвел взгляд. Его терпение таяло на глазах.

<http://bllate.org/book/17493/1708527>